

Ю. П. Зинченко¹

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА КАК ГЛОБАЛЬНОГО ВЫЗОВА СОВРЕМЕННОСТИ

Терроризм сегодня стал вызовом всей человеческой цивилизации, порождая во всем мире страх, в государствах — политические и экономические риски, в обществе — неуверенность в завтрашнем дне, а в человеке — тревогу и отчаяние. События последнего времени являют яркие примеры «воли к разрушению», попрания общечеловеческих ценностей, стирания с лица земли культурных ценностей мирового значения, обесценивания человеческой жизни, которые можно расценить как явление «раскультуривания» человека и тем самым — его «расчеловечивания». Эти тенденции противостояния культуры хаосу предвидел в своих работах академик Д. С. Лихачев, рассматривая культурную деятельность человека как способ освобождения от страха перед стихийным «неорганизованным» миром². Разрушение культуры трактовалось им как гибельный путь деградации цивилизации.

Терроризм является мультидисциплинарной, в том числе психологической проблемой, поскольку вовлечение в террористическую деятельность основывается на манипулировании актуализированными потребностями в идентификации³.

Основными социально-психологическими проблемами, создающими основу для возникновения и проявления терроризма, являются: общая нестабильность общества в период социальных преобразований, порождающая ряд новых, нетрадиционных для предшествующего развития социальных явлений; большое количество массовых социальных движений с радикальными векторами; возникновение внутри этих групп

и движений «групп риска» с тенденциями к экстремизму, формированию специфического образа мира.

Формирование и закономерности структурирования и функционирования комплексного психического образования, обозначаемого в психологической школе А. Н. Леонтьева как «образ мира», у лиц, вовлеченных в террористические организации, имеет существенное сходство с образом мира лиц, характеризующихся либо отдельными чертами зависимости, либо зависимостью в психопатологическом смысле этого слова. Технология порождения террориста является не уникальной, а лишь одной из современных технологий, посредством которых структурируются образ мира, самоидентификация подвластного этим технологиям субъекта, что может стать основой для построения теоретических моделей и практических методов диагностики лиц, входящих в группы риска, эффективной профилактической работы, коррекции, реабилитации и формирования системы психологически ориентированного мониторинга антитеррористической деятельности.

Для создания научно обоснованных собственно психологических критериев, позволяющих диагностировать и классифицировать характерные для групп риска способы построения образа мира, самоидентификации и целеполагания, следует обратить внимание прежде всего на следующие моменты, характерные для личности, вовлеченной или могущей быть вовлеченной в террористическую деятельность: превалирование иллюзорно-компенсаторного способа удовлетворения потребностей по отношению к деятельностно-созидательному; направленность на быстрые и «окончательные» простые решения сложных вопросов; упрощенная мифологизация и знаково-символическое опосредование ведущей деятельности с обязательным акцентом на списке «врагов»; терминальная, предельная, искусственная драматизация ситуации; манипулятивно снижаемый с помощью специальных психотехник порог агрессивного поведения; высокая импульсивность и склонность к немедленным действиям; героизация террористической деятельности с неременным элементом жертвенности; примитивность и ригидность картины мира и когнитивных стилей; высокая внушаемость⁴. Отдельно следует отметить специфическое состояние массового сознания и менталитета, которое характеризуется верой в эффективность насильственных действий и в право на них; «метаморфозами» исторической памяти различных этнических групп, политических партий и прочего; несформированностью адекватных представлений о демократии, в частности о правах человека.

Мотивационно-ценностной и идейной основой терроризма является внутренняя субъективная убежденность в служении абсолютной, высшей, единственной

¹ Декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, главный ученый секретарь Президиума РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч.: «Методологические аспекты изучения сексуальности», «Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции человека», «Сексуальное “культурное тело”», «Основы безопасности личности и общества» (в соавт.), «Эволюция понятия “симптом”», «Психология виртуальной реальности», «Психология спорта», “Psychology in Russia: State of the Art” и др. Главный редактор журналов «Вестник Московского университета. Серия “Психология”», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал». Президент Российского психологического общества, председатель Совета по психологии УМО РФ по классическому университетскому образованию, заместитель председателя Экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии. Член Президиума Международного союза психологических наук (IUPsyS) при ЮНЕСКО, Исполкома Европейской федерации психологических ассоциаций (EFPA), Российского философского общества. Награжден медалями «В честь 850-летия Москвы», «За содружество во имя спасения», Золотой медалью Российской академии образования. Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

² Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006.

³ Зинченко Ю. П., Шилко Р. С. Выявление групп риска, представляющих ресурсы развития терроризма, и обоснование принципов антитеррористической деятельности на этом направлении // Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / С. А. Афонин [и др.]; под ред. В. В. Яценко. М.: МЦНМО, 2007. С. 35–52.

⁴ Зинченко Ю. П., Сурнов К. Г., Тхостов А. Ш. Мотивация террориста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 2. С. 20–34.

истине, которая, как следствие, ведет к вытекающему из нее фанатизму и готовности утверждать эту истину любыми средствами¹.

По мере того как террорист проникается идеологией своей организации, он усваивает абсолютистскую риторику. Объекты окружающего мира предстают для него через призму простых и однозначных характеристик: свои и чужие, правильное и неправильное. При этом нивелируется возможность для проявления сомнения.

Психологически корректный ответ на вопрос, почему люди могут желать быть вовлеченными в террористическую деятельность, может содержать в себе некоторую часть ответа на вопрос, что они делают (или что им разрешают делать) в качестве террористов, и как они приобретают и сохраняют мотивационную вовлеченность в специфически террористических мероприятиях и действиях.

Люди, становящиеся членами террористических групп, — выходцы из разных социальных слоев общества. Поэтому мотивация, определяющая их радикально настроенное поведение, достаточно разнообразна. Вместе с тем можно говорить о трансформации личности террористов и тенденции к доминированию у них определенных личностных черт. Прежде всего это *агрессивность*, которая развивается в том числе и как реакция на фрустрацию — субъективно невозможную ситуацию удовлетворения важных потребностей. *Склонность к экстернализации* — возложению ответственности за неудачи на внешние обстоятельства и поиску внешних факторов для объяснения неадекватности собственного поведения объективно предписанным условиям. *Потребность в аффилиации* (принадлежности к определенной группе) относится к одной из базовых. Благодаря этой потребности обеспечиваются социализация человека и формирование у него чувства самоидентичности. Поэтому часто членами террористических организаций становятся выходцы из неполных семей, а также люди, которые по тем или иным причинам испытали трудности адаптации к существующим социальным институтам (в частности, потеряли или вообще не имели работу). Чувство отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, становится основой для маргинализации ценностно-смысловой сферы личности человека. Это приводит к трансформации исходной потребности в аффилиации и заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему родственной. Таким образом, характерной чертой личности террористов является сильная потребность во включенности в группу подобных людей, обеспечивающая процесс самоидентичности². Террористами не становятся сразу, в одночасье. Прежде чем стать частью террористической группы, человек зачастую проходит через утрату смысловых ориентиров

¹ Zinchenko Y. P. Psychology of Safety and Resistance to Terrorism // Психология в России: современное состояние / под ред. Ю. П. Зинченко и В. Ф. Петренко (Psychology in Russia: State of the Art / ed. by Y. Zinchenko and V. Petренко). М. : Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008.

² Зинченко Ю. П. Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 4. С. 3–7.

собственной жизни, апатию, депрессию, вызванные социальной дезадаптацией.

Существенное значение в формировании личности террориста в самом раннем, психологически еще невидимом начале этого сложного процесса, как правило, имеет так называемое событие-катализатор — конкретное драматическое происшествие, связанное с вопиющим злоупотреблением, несправедливостью, безнаказанным злодейством, потерпевшим участником или свидетелем которого был будущий террорист. Раз за разом извлекаемое из памяти, это событие служит аналогом химического катализатора, эффективно способствующего ходу процесса, в данном контексте — процесса формирования личности террориста через идентификацию себя с безвинно наказанными соплеменниками, сотоварищами по социальному классу, группой родственников (основа кровной мести) или с самим собой в качестве жертвы «очень плохих людей». В автобиографиях террористов отчетливо проявляется закономерность — по мере углубления стадии и степени вовлеченности в террор событие-катализатор становится все более ярким, страшным, драматическим, обрастает художественной и мистической конкретностью, которой оно не имело в такой степени при первых воспроизведениях в начале инициализации.

Однако террористы редко артикулируют, то есть словесно формулируют таким же образом ответы на вопросы о соблазнительности, привлекательности и ожидании личных выгод, которые ассоциируются у них с принятием решения о вступлении в террористическое движение. Анализ ответов на эту группу вопросов обнаруживает, что в основе принятия личного решения лежат такие понятия, как сила, мощь; высокий статус; чувство товарищества и надежной самоидентификации; наслаждение, сопровождающееся радостным возбуждением от принятия новой роли и новой жизни; обожание и благоговение перед более широким, чем до вступления, движением поддерживающего сообщества. И даже, в отдельных случаях, прекращение забот о личном финансовом благополучии.

В связи с этим весьма актуальными являются исследования, создающие научно обоснованные рекомендации для выработки методов, направленных на коррекцию подобной идеологии³. Эти рекомендации могут касаться различных аспектов социальной действительности, которые чаще всего освещаются средствами массовой информации: экспликацию опасности тенденции поиска «образа врага», особенно в группах молодежи и группах риска; адекватная интерпретация соотношения таких факторов, как *глобализация* и *терроризм*, и их влияние на экономические факторы развития общества и конкретного гражданина; транспарентное обсуждение актуальных социальных проблем, например занятости молодежи, имущественного неравенства в современном обществе (причины, средства преодоления и пр.); социально-профилактическое

³ Вартанова Е. Л., Зинченко Ю. П. Актуальные проблемы безопасности в информационном пространстве // Информационная и психологическая безопасность в СМИ : в 2 т. М. : Аспект Пресс, 2008. Т. 2 : Феномен «разорванной коммуникации» / под ред. Я. Н. Засурского [и др.]. С. 9–15.

взаимодействие гражданского общества с маргинальными группами (дискуссии о понимании критериев социальных ценностей, соотношения свободы и закона и пр.); особое внимание и поддержка системы образования; эффективное развитие политической культуры

(например, возможности ненасильственных форм решения социальных противоречий); целенаправленное формирование позитивных моделей поведения; формирование позитивного образа страны и чувства гордости при идентификации собственной гражданственности.